

Олег Рычков

Грань полынь и папоротник

<https://litres.ru/74545552>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июль плавит трассы. Птицы замолкают. Сквозняк — разрыв между миром живых и миром мёртвых — сочится сквозь старую печать, и славянские боги просыпаются в бетонных коробках и выжженных полях.

Брат и сестра Фонвизины — дети охотников, которые запечатали этот разрыв ценой собственных жизней. Максим носит в мёртвой левой руке холод Нави. Наталья — терновник богини смерти, проросший в позвоночник. Они едут на юг, по белым знакам, которые оставляет Белобог — бог, который ведёт, но не спасает. Едут закрывать дверь, за которой просыпается Чернобог.

Но каждая победа берёт. Каждая печать требует жертвы. И к финалу они поймут: их использовали с самого начала.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Грань полынь и папоротник

Глава

Грань

Полынь и Папоротник

Глава 1. За серой чертой

Июль плавил асфальт федеральных трасс где-то там, за кромкой леса. Здесь, в мёртвом осиннике Архангельской области, жара была другой — глухой, спёртой, пахнувшей сладковатой прелью и озоном. Птицы не пели третий месяц. С тех пор как Сквозняк начал сочиться сквозь старую печать родителей, лес оглох. Удар молотка по колышку палатки тонул в нём без эха — сухой, ватный шлепок, словно били по туго натянутой коже.

Воздух оседал на языке металлом, забивался в лёгкие, не принося облегчения. Мошка не летала. Комары не звенели. Только редкие, серые от пыли листья осин шевелились без ветра, словно по ним ползали невидимые насекомые. Лес был мёртв. Но не пуст. Что-то жило в этой тишине. Что-то, что не издавало звуков.

Максим выдохнул сквозь зубы и перехватил топор пра-

вой. Левая висела вдоль тела мёртвым грузом. Стеклянная плеть. Коготь Ичетика распорол плоть ещё в декабре, в тоннелях под Москвой, но рана так и не закрылась. Чёрная корка Нави расплзлась от запястья к локтю, превратив руку в идеальный антрацитовый протез. Она не болела. В этом и был главный ужас — она ничего не чувствовала. Ни холода, ни тепла, ни влаги. Только вес. Тяжёлый, как могильная плита, привязанная к плечу.

Макс занёс топор, рассчитывая инерцию живой руки. Промaxedнулся. Лезвие ушло в землю рядом со стволом — глухо, без звона. Он всё ещё не научился бить одной правой. Отшатнулся, выпуская рукоять. Пальцы правой мелко дрожали. Он сжал их в кулак, пока не хрустнуло.

— Ты ломаешь геометрию пространства, — тихо сказала Наталья, не оборачиваясь.

Она сидела на корточках у импровизированного очага, выложенного белым камнем. Огонь здесь горел синим, почти не давая тепла, зато выжигал кислород с пугающей эффективностью. Каждое полено, брошенное в костёр, сгорало за минуты, превращаясь в пепел цвета кости. Наталья подбрасывала щепки методично, как часовой механизм, не давая пламени угаснуть. Ей казалось, что если огонь погаснет, то тьма, стоящая за спиной, сомкнётся вокруг них, и они исчезнут. Не умрут. Именно исчезнут. Как исчезали звуки в этом лесу.

На шее сестры, чуть ниже линии коротко стриженных во-

лос, бугрился терновник. Метка Мары проросла прямо в позвоночник после битвы с ней. Чёрные, похожие на запёкшуюся кровь шипы пульсировали в такт сердцу. Не голосом. Весом. Словно кто-то ледяной и огромный положил подбородок ей на плечо и дышит холодом в самое ухо.

Каждый вдох давался с трудом. Воротник брезентовой куртки натёр ключицу до живого мяса, но она боялась его опустить. Если выпустить терновник наружу, Максим увидит, насколько далеко всё зашло. Увидит, что метка уже не просто растёт — она двигается. Шипы под кожей медленно, миллиметр за миллиметром, продвигались вверх, к основанию черепа. Ещё немного, и они коснутся мозга.

Она не сказала ему. Не могла. Он и так держался на честном слове. Его рациональный ум практика ещё пытался найти объяснение всему, что происходило. Если он узнает, что метка и форт связаны — что оба голодны, что оба берут, — он сломается. Она не могла допустить, чтобы он сломался. Не сейчас.

— Ты слышишь? — спросила она, не поворачивая головы.

— Тишину, — отозвался Максим, вытирая лезвие топора о штанину.

— Нет. Не тишину. Что-то под ней. Как будто кто-то дышит. Очень медленно. Очень глубоко. И ждёт.

Максим прислушался. Ничего. Только собственное сердце, стучащее в ушах. Только кровь, шумящая в висках. Он посмотрел на сестру. Её спина была прямой, как натянутая

струна. Плечи напряжены. Она что-то чувствовала. Что-то, чего он не мог уловить. Метка давала ей связь с тем, чего не должно существовать. И это пугало больше, чем тишина.

Они строили форт невидимости. Не магический купол — такую роскошь дети охотников позволить себе не могли. Это была работа с физикой отчаяния. Аркадий Фонвизин называл это «ценой тишины». Чтобы духи Нави, текущие сквозь рвущуюся печать Белобога, игнорировали этот овраг, место должно было стать статистической ошибкой. Нулём. Местом, которого нет. Не скрытым. Не защищённым. Именно несуществующим.

— Для них здесь просто овраг, — повторил Максим слова отца, затягивая последний узел на растяжке брезента одной рукой. — Пустой. Сухой. Безвкусный. Мы выкачали отсюда всю память. Он говорил о цене. За три дня обустройства заимки они заплатили сполна. Вчера Макс сжёг в синем пламени игровую приставку — подарок отца на десятилетие. Тёплое воспоминание превратилось в пепел, и марево над поляной на час стало ровным. Сегодня очередь дошла до матери.

Наталья достала из внутреннего кармана серебряную ложку — ту самую, которой Елена когда-то кормила их жидкой кашей во время гриппа. Последнее тёплое воспоминание, которое ещё оставалось у неё в руках. Ложка легла точно в центр кострища. Металл мгновенно почернел, пошёл радужными пятнами побежалости и рассыпался в пыль. Воздух вокруг форта дрогнул, искажая перспективу. Теперь лю-

бой прохожий увидит лишь заросший крапивой склон да пару гнилых пней. Духи пройдут мимо. Им нечего делать там, где даже прошлое продано за право дышать.

Наталья смотрела на пустое место, где только что лежала ложка. Внутри что-то сжалось. Она знала: это не просто жертва. Это первый шаг. Форт берёт память. Форт берёт тепло. Форт берёт всё, что делает их людьми. И однажды он потребует больше, чем они готовы отдать. Может быть, уже требует. Она чувствовала, как метка дёргается в такт пульсации форта. Два голода. Один брал прошлое, чтобы мир не заметил разрыва. Другая брала будущее, чтобы проснуться. Наталья стояла между ними. Она не сказала об этом Максиму. Он и так держался на честном слове. Его рациональный ум практика ещё пытался найти объяснение всему, что происходило. Если он узнает, что форт и метка связаны, он сломаётся.

— Мама... — тихо произнесла Наталья. — Она бы не одобрила. Всё это. То, что мы делаем. То, чем мы стали.

— Мама мертва уже наполовину, — отрезал Максим, и сам вздрогнул от своих слов. — Прости. Я не то хотел сказать.

— То. Именно то. Она в коме. Она не с нами. И мы жжём её память, чтобы спрятаться от монстров. Какая ирония. Мы охотники, которые стали жертвой.

Максим ничего не ответил. Он смотрел на синее пламя. Где-то в Москве, в палате номер восемь, мать лежала под

аппаратами, которые они оплачивали продажей отцовских схронов. Он помнил её руки. Тёплые. Сухие. Как она сжимала его плечо, когда он уходил на охоту. Помнил интонацию. Мягкую. Усталую. А слов — нет. Как будто голос стёрли. Оставили только форму.

Пискнула рация. Старый Kenwood, переделанный отцом под частоты, которых не существовало. Звук шёл не из динамика, а изнутри корпуса, вибрируя в зубных нервах. Максим напрягся. Рация молчала восемь месяцев — с того дня, как кома забрала Елену. Наталья медленно поднялась. Терновник шевельнулся, выпуская каплю тёмной смолы. Из щели динамика выполз конверт. Жёлтый от времени. Упал на угли синего костра. Бумага должна была вспыхнуть за секунду. Конверт лежал на жару, не загораясь, и оставался прохладным. Максим выставил вперёд стеклянную руку. Чёрный коготь коснулся края, и тот покрылся изморозью.

Руки Макса — живая, потная правая и мёртвая, сухая левая — разорвали бумагу. Внутри лежал тетрадный лист, сложенный вдвое. Ровные строчки. Синяя паста. Почерк похож Андрея — та же форма букв, тот же нажим. Но строки шли идеально ровно. Без наклона. Андрей всегда заваливал строку вправо, на десять градусов. Этот почерк был как Андреевский, но выпрямленный. Вычищенный. Словно кто-то видел, как друг пишет, но не понял, что рука у него живая. *«Друзья. Печать слабеет. То, что текло ручьём, собирается в реку. Я больше не могу держать камень. Заберите днев-*

ник из тайника под четвёртой сваей старой бани. Вам нужно ехать на юг. Марийские капища. Нижняя городская область. Там пробуждается корень. Белобог оставляет знаки. Круг с пустотой внутри. Идите на него». Наталья прочитала через плечо брата. Друг детства. Андрей. Тот, кто пропал без вести три года назад. Тот, чьё тело так и не нашли. Она ничего не сказала. Только метка дёрнулась, выпуская каплю смолы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.